

Гульчера Вахобовна Быкова — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ, академик РАЕН, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, судебный эксперт. Она автор целого ряда работ по теории языка и психолингвистике, в том числе монографий, учебных пособий и словарей. За научный вклад и всероссийскую известность внесена в «Славянскую энциклопедию. Теоретическое, прикладное и славянское языкознание», «Лучшие люди России», «Ведущие учёные Дальнего Востока» и др. В 2017 по данным elibrary.ru Г. В. Быкова вошла в топ-100 самых продуктивных российских учёных (направление «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации»).

Рассказы Г. Быковой печатались в альманахах «Приамурье» и «Амур», журнале «Дальний Восток». В 2012 увидел свет её роман «Ника из созвездия Козерога», в 2015 — сборник рассказов и повестей «Берега моей реки», номинированный в 2017 на премию имени Леонида Завальнюка.

Рассказ

Поздний рейс на Чагоян

Исповедь влюбчивого капитана

Я увидел её среди девчонок средней группы. Сам-то был взрослым хлопцем — последний год трубил в детском саду. Впереди маячил первый класс. Откровенно скажу, до этой поры девчонками не интересовался. Они для меня будто и не существовали вовсе. Водился исключительно с пацанвой, был в числе дворовых заводил. Когда надо, мог и кулаки в ход пустить. И жил бы поживал я, Витька Бычков, без всяких забот и дальше, если бы не это самое наваждение...

Обычно забирали меня из детсада мама или старшая сестра Светка. Они всегда были чем-то заняты, и я, пользуясь этим, быстро переодевался, хватал что-нибудь со стола и тут же линял во двор, где ждала меня ватага таких же, как и я, сорванцов. Надо сказать, что и детский сад, куда я ходил с трёх лет, и школа, где пришлось учиться все десять лет, были рядом с нашей пятиэтажкой, примыкая к ней каждый с разных концов большого двора с клёнами и вязами да деревянным грибок в песочнице. Всё как у всех.

В тот вечер игра была особенно азартной. Мы так увлеклись, что наш выдавший виды мяч особенно часто перелетал через забор детского сада. По очереди сигналы мы туда и выпуливали мяч на поле, где игра продолжалась ещё жарче. Вот и в очередной раз улетел наш бедолага. Подошёл мой черёд. Я увидел их — черноволосую кудрявую девочку и воспитательницу — только когда перемахнул через металлическую ограду. Пожилая грузная воспитательница, раздосадованная опозданием родителей, отчитывала ни в чём не повинную девочку. Увидев меня, она рассердилась ещё больше и стала кричать, что сад закрыт, что сюда нельзя и вообще когда кончится это бе-

зображение! Я остолбенел, но не от раздражённых криков рассерженной женщины — я смотрел и не мог отвести глаз от девочки — так изящна, так хороша, так ослепительна она была! В этот самый миг мне вдруг показалось, что над головой грянул гром, а земля стала медленно уходить из-под ног. Должно быть, я, застывший с разинутым ртом, представлял собой жалкое зрелище: воспитательница вдруг подобрела, вручила мне откатившийся к её ногам мяч, развернула за плечи и подтолкнула в сторону забора, который обильно облепили мои товарищи. Я, как робот, послушно зашагал к застывшей ватаге. Подал мяч Вовке, но сам не рискнул махнуть через ограду, как пару минут назад. На ватных ногах присел на скамеечку под деревом и даже не смел смотреть в сторону прекрасной незнакомки, один вид которой непонятно почему ввёл меня в онемевшее состояние. Придя в себя, я кое-как перелез через забор и направился домой, хотя с площадки меня звали. Играть расхотелось. Мама с удивлением спросила:

— Что это ты так рано?

А Светка тут же ехидно добавила:

— И абсолютно добровольно. А то ведь не дозовёшься!

Я кое-как умылся и сразу пошёл в свою комнату. Лёг, не раздеваясь, на кровать, чтобы спокойно обдумать случившееся.

— Уж не заболел ли? — забеспокоилась мама и прикоснулась губами к разгорячённому лбу.

Присев рядом со мной, она с недоумением проговорила:

— Да нет, температуры нет. Может, подрался с мальчишками?

Я сделал вид, что сплю. Посидев немного, она ушла. Я размышлял о случившемся, но так и не сумел объяснить, что же это было. Ясно стало одно: такого со мной ещё не было.

Наутро, выпавшись и успокоившись, я как ни в чём не бывало вошёл в группу. Друзья засыпали меня вопросами, но я сказал, что ушиб коленку, когда прыгал с забора. И всего-то. Однако вечером Вовка убеждал пацанов, что Бычков просто испугался воспиталки, вот чуть и не наложил в штанишки. Я отвесил ему пару тумачков, но на душе легче не стало.

Когда нас вывели на прогулку, я незаметно отошёл к площадке средней группы. Укрывшись за деревом, отыскал глазами вчерашнюю девочку. Да, это была она, я узнал её! В груди у меня снова что-то напряглось пушистым котёнком, а потом вдруг приготовилось выпрыгнуть и взлететь на облако, проплывавшее мимо. Почуввав недоброе, я быстро вернулся к себе на площадку, сел на скамейку и просидел там до обеда.

К концу дня я узнал, что её зовут Сонечкой. Она, как все, бегала за бабочками, стряпала песочные печенья, баюкала общего любимца Тишку — большого плюшевого медвежонка с оторванным ухом. Её серебристый смех то и дело звучал над площадкой соседней группы. Сердце моё замирало и сладко таяло от её голоса и удивительного смеха, похожего на перезвон хрустальных колокольчиков. Я всё смотрел и смотрел на девочку, не в силах оторвать взгляд от чёрных шелковистых волос, вьющихся и ниспадавших на плечи. Большие карие глаза в пушистых ресницах не давали покоя. При улыбке на щеках у неё появлялись трогательные ямочки. В первый раз, когда я увидел Сонечку, на ней было голубое в мелкий цветочек платье, перетянутое пышным, тоже голубым поясом в виде банта на спине. На другой день она пришла в розовом... потом — в белом, сиреневом, светло-зелёном... Во всех нарядах она была так хороша, что я глядел, глядел, глядел — и не мог наглядеться. Стоило ей появиться рядом, как сердце моё вдруг замирало и при этом всё время порывалось взлететь в бездонную синеву, прямо к солнцу. Любопытно, почему её не замечали другие пацаны? Или чудо открылось только мне?

Надо что-то делать, с кем-то посоветоваться. И я пошёл со своей тайной к самому опытному из приятелей — первокласснику Вадьке. Он молча выслушал мою сбивчивую исповедь, важно надул щёки и сказал:

— А дёрни её за косичку. Так все делают. Помогает.

— Нет, — ответил я, подумав. — Я не хочу сделать ей больно.

— Ну тогда ты трус-белорус, — бросил Вадька.

— Да нет у неё косичек, — оправдывался я. — У неё кудрявые волосы. А вякнешь ещё раз про труса — вмажу.

— Раз косичек нет, тогда конечно, — сразу стал понятливее советчик. — Ладно, я поговорю с Петькой. Он уже в четвёртом классе и лучше знает, что делать.

Дня через три Вадька вызвал меня свистом.

— Чего тебе? — перевесился я через перила балкона.

— Это не телефонный разговор, — важно сказал Вадька и вразвалочку пошёл к скамейке под старым вязом.

Он ещё не дошёл до неё, а я уже сидел там и нетерпеливо ждал.

— Петька считает, Сонечке надо что-то этакое подарить, а потом начать ухаживать. Женщинам это нравится. Так делают все настоящие мужики, — сказал друг.

— Да где же взять денег на подарок? — растерялся я.

— А ты укради дома.

— Деньги, что ли?

— Нет, почему сразу деньги? Возьми этот самый подарок, чтобы никто не заметил, и подари.

— Что же такое взять? — напрягся я.

— Так у тебя же сестра есть. Она тоже женщина. У неё наверняка что-нибудь подходящее найдётся, — напирал Вадька.

— Точно, есть! — завопил я. — У Светки в столе лежит большой моток жёлтой ленты.

— Ну вот его и возьми. Сонечка ещё как обрадуется!

— Так там знаешь сколько? Двадцать пять метров!

— А зачем столько? — удивился Вадька.

— Да она с девчонками украинский танец репетирует. Гопак называется. На головах у них будут венки из бумажных цветов, а сзади на венках — разноцветные ленты. Договорились по двадцать пять метров взять красной, синей, жёлтой, белой ленты, а потом поделить на каждую. Слушай, а может, не весь моток взять, а отрезать несколько метров? Будет не так заметно.

— Не надо резать! — подумав, заявил Вадька. — Пускай Сонечка видит, что тебе для неё ничего не жалко!

Вечером того же дня увесистый жёлтый моток из письменного стола сестры перекочевал в мои шорты. Утром я быстро умылся, оделся и направился к калитке садика один, без сопровождающих: меня уже начали приучать к школе, то есть к самостоятельности.

До сих пор помню, как бешено колотилось у меня сердце, когда я стоял у края площадки, выжидая удобный момент. Когда Сонечка, отбежав от девчонок, оказалась поблизости, я окликнул её по имени. Она обернулась. Большие карие глаза с удивлением уставились на меня.

— Вот... это тебе... — произнёс я одеревеневшим языком и сунул ей в руки свой роскошный подарок.

Несколько секунд Сонечка в полном недоумении держала жёлтый моток, потом, не сказав ни слова, бросила его на землю и убежала к девчонкам.

От стыда и отчаяния я готов был провалиться сквозь землю. Голова закружилась, в глазах поплыло. Моток ленты лежал у моих ног, такой жёлтый, такой яркий, что, казалось, сейчас все сбегутся на него поглазеть. Быстро поднял отвергнутый подарок и подсунул под сетчатый забор, в траву. Весь день я ходил сам не свой и старался даже не смотреть туда, где играли дети средней группы.

Вечером, оказавшись в своём дворе, я достал из-под забора никем не замеченный моток и пошёл домой. Но, открыв дверь, понял, что сестра хватилась пропажи и ей активно помогает мама. В Светкиной комнате всё было перевернуто вверх дном. Она что-то лихорадочно искала среди книг на стеллаже, а потом ушла в зал, где мама вела свой поиск. Я, незамеченный в общем переполохе, прошёл к столу и положил ленту на прежнее место.

— Ну ладно, доченька, купим ещё раз. В конце концов, не корову же потеряли, — сказала наконец мама.

Бедная Светка заплакала и пошла в комнату. Села на своё место и машинально потянула ящик стола на себя. Увидев ленту, она завопила так, что прибежала не только мама, но и папа. Я тоже пришёл и стоял в сторонке, изображая недоумение.

— Откуда она взялась? — вскрикнула потрясённая сестра.

— Ну вот, нашлась пропажа! — с облегчением вздохнула мама.

Все радовались, а я — особенно. Ведь если бы Сонечка взяла мой подарок, то воровство в конце концов открылось бы, и тогда мне было бы несдобровать.

Шли дни, а моя любовь не заканчивалась и только крепла. Я мучился сильнее прежнего. Друзья видели мои страдания и старались хоть как-то облегчить их. Всё тот же спец по амурным вопросам четвероклассник Петька, с которым познакомил меня Вадик, предложил новый способ покорения недоступной красавицы.

— Надо объясниться ей в любви, — многозначительно изрёк он.

— А как? — ухватился я за это предложение, как утопающий за соломинку. — Какие-то слова надо придумать?

Петька почесал затылок и сказал:

— Ничего не надо придумывать. До нас поэты всё придумали. И стихи написали. «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась

ты...» Она же явилась перед тобой? — уточнил Петька.

— Нет, это он, Витька, явился перед Сонечкой и воспиталкой, — поправил Вадик.

— Это уже детали, — рассудил Петька. — Важна сама идея.

Мне его предложение понравилось.

— А где это можно найти? — спросил я.

— Ну как где? — пожал плечами Петька. — В книжках поискать. У вас дома есть книжки, где стихи напечатаны?

— Конечно, есть! — обрадовался я.

Вечером открыл толстый сборник Корнея Чуковского. Буквы я знал, но читать ещё не умел. Зато помнил наизусть многое из «Доктора Айболита», «Тараканища», «Мойдодыра» и надеялся по картинкам найти нужные строки. Что-то похожее было в «Мухе-цокотухе»: «А теперь, душа девица, на тебе хочу жениться». Нет, не то. Я, конечно, обязательно женюсь на Сонечке, но не сейчас. Снова и снова пересматривал от корки до корки зачитанную книжку, но так и не нашёл подходящих картинок. Отправился к сестре:

— Света, где здесь слова «Я помню чудное мгновенье»?

— Так это же не Чуковский написал, а Пушкин! Это стихи Александра Сергеевича Пушкина, чудо ты моё!

Она достала с полки маленький, без картинок, томик, полистала его и прочитала:

Я помню чудное мгновенье,

Передо мной явилась ты,

Как мимолётное виденье,

Как гений чистой красоты...

При этом внутри у меня снова зашевелился маленький пушистый котёнок, и снова стало так хорошо. Прав Петька: перед таким чудом Сонечка не устоит. С помощью изумлённой сестры быстро выучил стихотворение и побежал к Вадке с Петькой. Выпалил всё выученное и без всякой паузы закончил:

— Скажу, что это я сам придумал. Она сразу меня зауважает!

Но объясниться с нею так и не пришлось. Сколько ни выглядывал я своё «виденье», её нигде не было. Я бегал на площадку средней группы, искал, ждал, ходил день, другой, третий, но её не было. Потом узнал, что она уехала с родителями на Дальний Восток. Отец девочки был капитаном речного флота. И в отчаянии я решил тогда, что тоже стану капитаном, буду водить суда по большим рекам и когда-нибудь всё равно встречу мою милую Сонечку.

Я долго и мучительно тосковал по той, что в далёком детстве опалила меня своей неземной красотой. Так и не смог забыть её. Недаром говорят, что пережитое в детстве и юности — резьба

по камню, а в старости — по песку. И первую любовь забыть нельзя. Тютчев на старости лет создал чудные строки:

Я встретил вас, и всё былое
В отжившем сердце ожило.
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Эх, время, время золотое... Как оно быстро течёт! Годы летели, мелькали, мчались, неслись не останавливаясь. Я жил, влюблялся, расставался, страдал и радовался, но продолжал помнить о той, что запала в детскую душу и фактически определила мой жизненный путь.

А тогда... тогда я безутешно тосковал по Сонечке. И напрасно всматривался в девчонок в отчаянной попытке найти хотя бы слабое подобие той, что покорила, а точнее, поработила моё влюбчивое сердце. Но написанное на перстне Соломона — «Всё проходит» — справедливо для всех времён и народов. И в четвёртом классе я снова влюбился. Точнее, все мы, мальчишки, коллективно влюбились в... учительницу пения Юлию Валерьевну. Скажу вам, любить сообща куда легче, чем в одиночку. Нет, не подумайте, что учительница была похожа на Сонечку. Совсем нет. Это было белокурое голубоглазое создание, которое мы сразу окрестили Мальвиной. Она играла на аккордеоне и пела удивительно чистым, хрустальным голосом. Когда она в первый раз пришла в класс, мы такое устроили, что плохо слышали не только её, но и себя. Тщётно пыталась новая учительница призвать к порядку стоящих на ушах горлопанов. И тогда она поставила у доски стул, села, достала аккордеон и запела. Мы притихли и замолчали, потрясённые её удивительным голосом, словами песни, музыкой, которые она извлекала из глубины инструмента. Внутри у меня вдруг ожил, встрепенулся, потеплел осиротевший котёнок. Стало так хорошо, так сладко.... Я закрыл глаза, чтобы не расплакаться. Вспомнил Сонечку, её красоту, вспомнил мамини колыбельные. Перед глазами поплыли цветущие луга, синее небо, тёплое солнце, белые облака. Так до конца урока она то пела, то просто играла, а мы, онемевшие от встречи с прекрасным, молча жадно слушали.

На перемене мы окружили её плотным кольцом. Хотелось поближе рассмотреть это чудо, незаметно дотронуться до руки или плеча, чтобы убедиться, что это обычный человек из плоти и крови, а не ангел, спустившийся с небес. Преданно и благодарно смотрели мы на ту, что сумела укротить нас, шумливых обормотов, своим чарующим голосом и чудной музыкой. Дотащили тяжёлый аккордеон до учительской. Потом весь год по очереди дежурили здесь, что-

бы отнести инструмент в тот или иной класс. И снова ждали, ждали уроков пения. Мы бегали за ней стайками, встречали и провожали у входа, любовались её нарядами и причёской, обращали внимание на сапожки или туфли, ловили её взгляд, радовались каждой улыбке, каждому слову. На других уроках то и дело отпрашивались в туалет, чтобы благоговейно постоять у двери, из-за которой слышались песни нашей возлюбленной. Мы взяли под жёсткий контроль поведение школяров на её уроках. И если кто-то хулиганил или грубил Мальвине, были беспощадны. Мы стали её преданными рыцарями, верно служа своей Прекрасной Даме, своей королеве — и были счастливы.

Но однажды по школе прошёл слух: к нашей возлюбленной приезжает жених. И тогда мы ревниво составили его коллективный портрет: бледный, хилый интеллигентик в очках, хлюпик, который и аккордеон-то с первой попытки не поднимет, слизняк, жалкий Пьеро. Ничтожество, одним словом....

И вот он наконец приехал. Наш караульный, поджидавший Мальвину у входа, подал сигнал, и мы прямо с урока, без разрешения, под возмущённые восклицания русачки, всей влюблённой толпой ломанулись на крыльцо. Наша возлюбленная, сияющая от счастья, с букетом белых роз шла под руку с морским офицером. Под лучами весеннего солнца золотом горели звёзды и пуговицы на его белоснежном кителе, сияла кокарда великолепной фуражки. И сам он был по-мужски красив, высок и статен. Ну что ж, мы остались довольны смотрами. «В конце концов, — благородно рассудили мы, — отдаём Мальвину в надёжные руки!» Через неделю замечательная пара отбыла в Севастополь, чему радовались все девчонки нашего класса: для них прекрасная Мальвина была соперницей.

Наступила пустота, полный вакуум. Мы горевали о своей королеве. Правда, многие рыцари быстро утешились, найдя прекрасных дам среди ровесниц, и были счастливы. У меня же до самого выпуска не появилось новой любви. Вернее, сам-то я влюблялся то в одну, то в другую, но — безответно. Девчонки не смотрели в мою сторону. На это были веские причины. Судите сами. В спортзале я стоял предпоследним в строю. Самой выдающейся частью моего лица был большой нос, по поводу которого я комплексовал до самой армии. Если к этой детали присовокупить бледно-голубые невыразительные глаза с белёсыми ресницами, невзрачные брови, неопределённого цвета негустые волосы, далеко не мужественный подбородок и большие уши, то одноклассник можно было понять.

Так я и ушёл в армию нецелованным. Многие из друзей «откосили» от священной обязанности,

а я пошёл: отец служил рядовым, два дядьки, дед, прадед. Так что ответ на вопрос — «Идти или не идти?» — не обсуждался. И попал я, рядовой Бычков, на Дальний Восток охранять границу с Китаем.

Наша отдельная танковая рота считалась второй линией обороны укрепрайона. Первой были расположенные вдоль Амура доты генерала Карбышева, военного инженера, которого высоко ценили не только советские, но и немецкие военачальники. Отступая с нашими войсками, он был ранен и попал в плен, но отказался сотрудничать с фашистами. Его долго пытали, потом вывели на сорокаградусный мороз и превратили в ледяную глыбу. Настоящий русский мужик. Перед его стойкостью даже немцы преклонялись. Ну так вот, эти самые доты Карбышева, тянувшиеся вдоль границы, мы и обслуживали, поддерживая в них порядок. Там хранился запас боевого оружия, патронов, воды, провизии, спальных мешков. В случае нападения нашей роты, а затем и батальону, что был в семи километрах от нас, следовало задержать противника на несколько часов. Предполагалось, что за это время подойдут основные силы, а до этого с военного аэродрома, расположенного в двухстах километрах от границы, поднимутся истребители и тяжёлые бомбардировщики. Так было в годы моей службы. А потом укрепрайон ликвидировали: то ли потому что с Китаем отношения потеплели, то ли потому что неподалёку от границы оборудовали военный ракетодом.

Душа моя давно рвалась сюда, в этот край, где жила моя прекрасная Сонечка. Ещё пацаном решил: вырасту — уеду жить на Дальний Восток. А тут доставили за казённый счёт — чем плохо?

В родном Подмосковье, в Химках наших, солнце и небо чистое не каждый день увидишь. Летом то хмарь, то дожди, зимой слякоть да снега. А в Приамурье — небо синее, на нём солнце с рассвета до заката, а уж летом палит — мало не кажется! Чем не Крым? Моря, правда, нет. Зато рек, крупных и не очень — тьма: Амур и Зея чего только стоят.... Зимой здесь за тридцать мороз жмёт, летом под сорок жарит. Воздух сухой, чистый, земля плодородная. Окрест — поля соевые и пшеничные, овощи в изобилии. В страдную пору, когда каждая пара рук на вес золота, помогали соседнему колхозу. А за это на нашей кухне вволю были и картошка, и капуста, и морковь, и лук. Правление не обделяло мясом и салом, к тому же содержали свою свиноферму. Кроме этого, на прилегающих полях зимой фазаны да дикие козы подкармливались. Были в роте свои охотники. За проволоку, на границу, значит, даже егерям

вход заказан, так что и дичью время от времени баловались. Одним словом, жили сытно. И, надо сказать, дружно.

В те годы армейская дедовщина уже вовсю заявила о себе. Однако у нас в роте особенных проблем в этом смысле не было. Да, старики выступали, «качали права». Не без этого. Но все мы здесь, и старики, и салаги, не только служили, но и работали вместе ради общего благополучия. Это сближало. Мелкие конфликты, конечно же, имели место, но из них только один заслуживает внимания. Случился он примерно на третий день после того, как мы, молодое пополнение, в своей новенькой необмятой форме прибыли к месту службы.

Из старослужащих я ещё почти никого толком не знал, но этих двоих запомнил сразу. Может быть, потому что на общем построении один из них возглавлял строй, а другой — замыкал. Первый — высокий красавец, накачанный здоровяк, настоящий бугай. А второй — ростом меньше меня, некрасивый и тщедушный. Но все, включая бугая, относились к нему с явным почтением и называли Академиком. Мне уже сказали, что он башковитый, закончил три курса МГИМО, но сам бросил учёбу, дурак, и пошёл в армию.

Так вот. Рота вернулась с обеда в казарму, было несколько свободных минут, и я стоял в проходе, прикидывая, на что эти минуты потратить: может, успею письмо домой черкануть... А на одной из кроватей сидел тот самый бугай и разувался. Сняв сапоги, выставил их в проход и крикнул:

— Эй ты, Шнобель, сапоги быстро почистил и на полусогнутых сюда принёс!

Я даже не сразу сообразил, что это он ко мне обращается.

— Тебе, носатый, говорю! — И наглец ткнул в меня пальцем.

Сидевший на соседней кровати Академик поднял голову от книги и с интересом прищурился на меня.

— Шнобель? — повторил он — и вдруг засмеялся. — А что, это звучит гордо! Такая кликуха — это же просто награда!

— С какого перепугу? — удивился бугай.

Академик загадочно посмотрел на него и после некоторой паузы произнёс:

— Психоаналитик Зигмунд Фрейд в своё время доказал, что размер и форма носа мужчины прямо пропорциональны его половому члену.

— Это как? — нахмурился бугай.

— А так, — улыбнулся Академик. — Нашего Шнобеля бабы всю жизнь на руках носить будут. Потому что чем длиннее и толще нос, тем богаче мужское достоинство.

Бугай открыл рот — и снова закрыл его, не найдя что сказать. В глазах у него мелькнуло что-то вроде тревоги.

— Армянские женщины и без Фрейда это знают, — подал голос Ашот, одного со мной призыва невысокий крепыш, за которым я и стоял в строю.

— А тебя не спрашивают, салага! — рявкнул на него бугай. — Будет тут вякать всякая зелень.

Ашот яростно шевельнул ноздрями своего массивного кавказского носа — но промолчал. Спорить со «стариком», да ещё таким здоровенным, было себе дороже.

— Слышь, — повернулся бугай к Академику, — а что ты там читаешь? Фантастику?

Он будто забыл, что пару минут назад приказывал мне почистить ему сапоги.

Кличка Шнобель за мной, к счастью, не закрепилась, уж не знаю почему. Зато разговор этот всем, кто его слышал, припомнился уже через день, в субботу, когда мы всей ротой поехали в гарнизон, где дислоцировался батальон. Там размещались штаб, казармы, несколько ДОСов (домов офицерского состава), парк боевых самоходных орудий, то есть танков и БМП, вещевого и продовольственного склады, военторг и, наконец, гарнизонная баня.

Забегая вперёд, скажу, что баня в нашей солдатской жизни, помимо прочего, служила ещё и календарём. С лета в роте на всю зиму заготавливали берёзовые и дубовые веники — каждому по количеству недель, оставшихся до конца службы. И по веникам отсчитывали недели, как по столовским компотам — дни, потому что компоты подавались ежедневно. На втором году службы мы срубили себе славную баньку в расположении роты, о чём речь пойдёт позже.

Ну а та первая помывка в гарнизонной бане стала для меня своего рода триумфом. В жаркой помывочной все мы, и старики, и салаги, предстали друг перед другом в чём мать родила. После беглого осмотра главного предмета недавнего разговора всем стало ясно, что Академик железно прав. Вернее, не Академик, а этот самый Фрейд. Красавец бугай заметно сник, отвернулся к стенке и молча мылся. С этого самого момента я раз и навсегда перестал комплексовать по поводу своей неказистой внешности и невысокого роста. Будучи нецелованным даже, я уверовал в предсказание Академика в то, что в постели мне цены не будет. Это определило мой бойцовский дух на всю оставшуюся жизнь.

Спросите, почему сам не догадывался? Как-то так сложилось, что ни отец, ни дядьки не откровенничали со мной по поводу интимных проблем. Отец был сдержан на этот счёт, а я не решался задавать ему сугубо мужские вопросы. Дружки мои тоже были не слишком просвещены в этом вопросе. Поэтому ещё подростком я решил для себя, что размер всех органов зависит от роста, ведь у высокого человека и руки, и ноги, и туловище, а значит, и

всё остальное больше. Потом я узнал, что так заблуждаются до сих пор многие парни, но особенно девушки, падкие на рост, мускулатуру, броскую внешность. Академик камня на камне не оставил от устоявшегося стереотипа, при этом укрепив свой авторитет, а мы с Ашотом с первой помывки оказались вне конкурса и возвысились не только в глазах товарищей, но и в своих собственных.

Прошло полгода, и я получил свою первую увольнительную до утра. Кроме меня отпустили ещё двух солдат, но те заявили, что в деревне делать нечего (они там уже были) и с утра завалились отсыпаться в казарме. А меня мучило любопытство: какое оно, амурское село? И ещё где-то в подкорке теплилась надежда встретить чудную девушку, которой я непременно понравлюсь. А что очарую, сомнений теперь не было.

Рота находилась в четырёх километрах от села, куда я и направился. Стояла ранняя весна. На дальних и ближних сопках лежал белый снег, лишь дорога едва потемнела. Позванивали льдинки под сапогами, да сиротливо шуршал иссохшей листвой неказистый дубняк, в изобилии росший по окрестным сопкам. Академик объяснил, что на Дальнем Востоке растёт монгольский дуб — низкорослый, тонкий, невзрачный, а у нас в Подмосковье — настоящие дубы, высокие и могучие. Размышляя о том о сём, я незаметно пришёл в приграничное село, которое представляло собой жалкое зрелище. Дух переселенчества царил здесь повсюду: кучи мусора и бытовых отходов проглядывали из-под снега то здесь, то там. Почерневшие от непогоды деревянные избы, подслеповатые оконца, сиротские заборы, перекосившиеся калитки. Ротный говорил, что приграничные территории Дальнего Востока и Сахалин истари заселяли каторжанами, бывшими ссыльными, позже переселенцами из центральных областей страны. Да, это не Подмосковье с его яблоневыми садами, крепкими домами и ухоженными палисадниками... Зашёл в единственный магазин с полупустыми полками, где сиротливо стояли консервные банки с пожелтевшими от времени наклейками — кильки в томатном соусе да морская капуста, лежали пачки с вермишелью, ржавая селёдка да оплывшие «подушечки», то есть карамель с начинкой из повидла. Здесь даже хлеб, по словам продавщицы, разбирали с лёту.

— А где можно мороженое или пирожное купить? Ну, или пряники, на худой конец? — наивно спросил я.

— А ты, солдатик, в клуб сходи, вон туда, кино погляди. Там баба Люба семечки тыквенные продаёт, — отвечала продавщица, жалостливо глядя на меня. — А про морожено-пи-

рожено забудь. Отродясь его здесь не бывало. Пряники на выборы привезут — да и те расхватают вмиг.

Я вышел из магазина, постоял в нерешительности на заплёванном крыльце и пошёл в направлении, указанном сердобольной женщиной. Улицы села производили тягостное впечатление: кривые, узкие, с замусоренными канавами по обе стороны земляной дороги. Летом, должно быть, пройти по ним можно только в сапогах, а на полуразбитых деревянных тротуарах прохожий рискует и вовсе поломать ноги. В небольшом зрительном зале деревянного клуба, куда я заглянул, уныло сидело несколько человек, пришедших на вечерний сеанс. Времени до начала просмотра было достаточно. Я купил билет, стакан жареных семечек и вышел на крыльцо. И почти сразу ко мне вихляющей походкой решительно подошла черноглазая смуглая девушка с пышной копной смоляных волос. Яркий цветастый платок на плечах, чёрная фуфайка, бордовое пятно крупных губ... При броской красоте и яркости она почему-то вызывала отталкивающее впечатление.

— Что, скучаешь, служивый? — развязно заиграла глазами девица. — В увольнение отпустили?

Я пробормотал что-то невнятное, напрягшись и отведя взгляд в сторону.

— Купи мне билет, — без тени смущения сказала она.

Вместе мы подошли к кассе, и я протянул деньги ещё на один билет. Подавая его, кассирша произнесла с укоризной:

— Всё ты, Роза, никак не уймёшься. Что привязалась к служивому?

— Ой, тётъ Валя, а то ты молодой не была? — бесшабашно, со смехом, отвечала девушка и уверенно взяла меня под руку.

Я замер на миг от смущения, но не подал виду.

— Ты в увольнение на сутки? — отвлекла меня Роза. — Где-то я уже слышал это имя...

— Да.

— А где ночь собираешься кантоваться?

— Пока не знаю.

— Все знают, а ты не знаешь, — развязно захохотала Роза.

Мы вошли в зал. Спутница потянула меня на последний ряд. Я повиновался. Сели. Я осмотрелся. Просторное помещение являло собой удручающую картину. Перекошенный, потемневший от времени экран с оторванным углом. В тёмных подтёках низкий потолок, щербатые стены, обшитые некрашеными досками. Покосившиеся ряды кресел. Да, сельский очаг культуры не располагал к восприятию прекрасного. Было холодно и неудобно.

Погасли тусклые лампочки. За стеной, в будке кинемеханика, что-то натужно затрещало, зажужжало, затренькало, заверещало, и на экра-

не появилось расплывчатое изображение. Роза уверенно взяла мою руку и начала гладить мне ладонь своими жаркими руками, тискать и мять мои пальцы. Это подействовало на меня возбуждающе. Тугая горячая волна обожгла шею, хлынула в лицо, нестерпимо запылали жаром уши и затылок. Ещё через пару минут девушка скользнула рукой по моему колену, а потом... Я плохо помню, что было потом. Неожиданно она запрокинула мне голову и жадно впиалась влажным ртом в мои губы. Я чуть было не задохнулся. Она обняла меня и снова начала целовать, активно действуя руками. Я не силах был сопротивляться, словно парализованный. Потом она настойчиво потянула меня за рукав шинели, я, как робот, встал и последовал за ней в приоткрытую дверь. По тёмному узкому коридору мы вышли чёрным ходом во внутренний дворик клуба. Холодный ночной ветер освежающе пахнул мне в лицо, будто облитое крутым кипятком. Роза, по-прежнему держа меня за руку, завернула за угол и уверенно толкнула ногой покосившуюся дверь. Мы стали спускаться по выщербленным ступеням в подвал, из которого пахло затхлостью и теплом. С опозданием я вспомнил, что Академик всучил мне карманный фонарик, который я не хотел брать:

— Да на кой он мне?

— Бери, бери. Это тебе не Химки. Там знаешь какая грязь да темнотища ночью? И собак своры. А по лесной дороге сколько топать! Имей в виду, можно и на волков напороться.

И вот теперь фонарик оказался кстати. Я нащупал его в кармане и щёлкнул кнопкой. Жёлтый луч выхватил из темноты обветшавшие стены старого подвала, с потолка которого свисала полуистлевшая пакля. По углам просторного помещения лежали груды сломанных стульев, каких-то ящиков и коробок, а посередине на кирпичах покоился грубо сколоченный деревянный щит. Роза достала из-под коробок старый матрас и положила его на щит. Она лихорадочно начала раздеваться, приказав мне сделать то же самое. Я повиновался. Обвёл глазами грязный свод подвала, мысленно сказав: «Прости меня, Сонечка!» — и провалился в жадное нутро Розы. Она застонала, закричала, забилась подо мной... Её липкое тело затрепетало, обожгло меня, затуманило, отключило разум.

Когда всё кончилось, я сполз на пол и стал одеваться. Гимнастёрка оказалась в ногах у Розы. Я, пытаясь вытащить её, наклонился над девушкой, и вдруг в нос мне ударило запахом нечистого женского тела. Я отшатнулся, сдерживая подступившую тошноту, быстро оделся, обулся и как чёрт от ладана кинулся прочь из этой преисподней.

— А говорил, что на ночь останешься! — истерично кричала вслед Роза. Но я спешил на чистый воздух. Вон, вон из этой грязи! Тщетно

рвал я ветхую дверь на себя, пока не сообразил, что она подперта изнутри поленом. Выбив его ногой, выскочил наружу. Не стал сдерживать новый приступ тошноты. Придя в себя, опрометью бросился прочь. Уже темнело. Я бежал по улице и никак не мог понять, туда ли я бегу. Навстречу шла женщина, судя по походке и сутулости, пожилая. Я кинулся было к ней, но она, взглядев-шись мне в лицо, вдруг шарахнулась от меня, прибавив шагу.

— В какой стороне танковая рота? — крикнул я вслед.

Она молча махнула рукой в противоположную сторону и припустила от меня теперь уже рысью. Я прошёл некоторое время в указанном направлении и остановился передохнуть и успокоиться. Горло першило от рвотных судорог, голова нестерпимо болела. На душе было так мерзко, что хотелось заплакать. Я приостановился, глубоко вдыхая чистый прозрачный воздух. Поднял голову и увидел в бездонной выси редкие звёзды, Млечный Путь, бледную испуганную луну. Желтоватые облака проплывали над головой, сгущаясь. Вскоре плотная чернота окутала всё вокруг. Где же луна? Куда она запропастилась? Лицо и уши постепенно остывали после жарких подвальных поцелуев. Справа и слева мрачными горбатыми силуэтами в сумерках дыбились сопки, ошетилившиеся дубняком и кустами. Заухала какая-то ночная птица. Тявкнул, словно собака, дикий козёл. Я зашагал дальше. Под сапогами вновь захрустела ледком просёлочная дорога, едва обозначенная чернотой среди общей белизны.

Постепенно успокоившись, я стал узнавать местность. Старуха направила меня верной дорогой. Что погнало её на ночь глядя из дому? Может, в гостях засиделась и спешила к себе? И почему она так шарахнулась от меня? Не встретить я запоздалую прохожую, шёл бы сейчас в противоположную сторону, пока вовсе не заплутал в кромешной тьме.

Наконец сопки расступились, разбегаясь в стороны, а на образовавшемся впереди пространстве засветились окнами караульное помещение и пропускной пункт. Казарма, погружённая во тьму, едва угадывалась силуэтами. Там, наверное, уже десятый сон досматривают мои товарищи, а я, как дикий козёл, блуждаю во тьме, разве что не тявкаю. Ну и козёл же я! Безмозглый козёл! Вонючий, тупой козлина!

Было далеко за полночь. Ворота закрыты. Придётся стучать, потому что звонок сгорел, а в военторге их нет, надо в город ехать. Ротный всё обещает, да воз и ныне там. Сейчас из-за меня столько переполоху будет, собаки лай поднимут... Но мне деваться некуда. Не оставаться же на холоде до утра! Рота — мой дом, крепкий тыл,

моя крепость... Там тепло, надёжно, безопасно. В ту ночь я как никогда осознал это.

Всё произошедшее так потрясло меня, что даже маломальская способность размышлять и трезво оценивать ситуацию покинула меня ещё в зрительном зале. Всё последующее за этим совершалось как бы под гипнозом, бессознательно, будто я был вовсе и не я, а какой-то зомби, выполнявший волю красивой стервы, похожей на цыганку. Ну да, она и есть цыганка. Роза — цыганское имя. И по обличию тоже. Как я сразу не догадался? Где-то я уже слышал это имя... Уже второй раз за вечер пронеслась в голове эта беспокойная мысль...

Долгая дорога морозной ночью отрезвила меня. Хорошо были видны ворота, ограда роты и колючая проволока над ней. Я остановился в полной нерешительности и только теперь почувствовал, что замерзаю. Накануне Академик рассказал анекдот. Залетела женская мысль в мужскую голову — а там пустота, ни одной мысли. Удивилась. Полетала, полетала — никого. И только где-то у затылка увидела худосочную мужскую мысль. «Слушай, а где остальные? — Да все вниз ринулись. — А ты почему здесь? — Да меня радикулит прихватил». Как верно — у мужиков все мысли внизу. Это про таких дураков, как я, — подумалось мне.

Морозец к утру окреп. Со стороны заснеженных сопкок потянуло пронзительным холодом. Я совсем продрог, и здравое мышление постепенно стало возвращаться ко мне. Теперь жгучий стыд и запоздалое раскаяние принялись терзать меня с новой силой. Что я натворил? Зачем попёрся в этот мерзкий подвал? Зачем вступил в связь с нечистой женщиной? А что если... если она больна?

Запоздалая догадка прошила молнией. Я застонал, схватившись за голову. Двинулся вперёд, затем назад, потом в сторону... В отчаянии захотелось упасть на землю и закричать, заплакать от ужаса и боли. Раскаяние не поможет, всё свершилось!

Я упёрся в закрытые ворота. Постучал по железу кулаком, но никто не услышал меня. Нашупал на дороге камень и стал бить им по металлу. И только теперь всполошились, завыли, залаяли собаки. Из КПП выскочил сонный дежурный и заорал:

— Стой! Кто идёт? Стрелять буду! — и навёл на меня ствол карабина. В свете фонаря блеснул штык.

Я поспешил подать голос, а то, чего доброго, пальнёт со страху.

— Свои! Свои! — крикнул я срывающимся голосом и не узнал его, будто выкрикнул и не я вовсе, а кто-то за моей спиной.

— Я тебе, мать твою, покажу своих! — снова заорал часовой.

— Саня! Красносельцев! — узнал я солдата из второго взвода. — Это я, Витька Бычков! Ты что, белены объелся?

— А что ты по ночам шляешься? — спросил Саня, успокаиваясь. Он тоже узнал меня.

— Да из увольнения я. Открывай!

— Ага, разогнался... Да заткнётесь вы! — рявкнул он теперь на псов, срывая досаду и на себя, и на меня. — Подожди, взводного разбужу. Не положено в такой час открывать постороннему.

— Да с какого рожна я посторонний? — рассвирепел я.

— Всё одно — не положено, — упрямо буркнул он и пошёл на КПП.

Минут через пятнадцать вышел полусонный дежурный офицер, командир второго взвода, и, не открывая ворот, приказал мне доложить по всей форме.

Я вытянулся, приложил руку к виску и громко отрапортовал, что я, рядовой Бычков, в увольнении до утра. Но ночевать негде, потому и вернулся в казарму.

Звякнул засов, заскрипела половина ворот, и я протиснулся в образовавшийся проход. Ворота тотчас захлопнулись, задвижка проскрежетала по железу.

— Ну, соколик, заходи. Сдай увольнительную, распишись и отправляйся докладываться дневальному.

Дежурный офицер взял мою увольнительную, взглянул на меня и вдруг рассмеялся. Потом внимательнее присмотрелся ко мне и теперь уже громко, от души расхохотался. Из караулки выскочил Сашка и тоже покатился со смеху, повизгивая и хлопая себя по бокам. Я оторопел и никак не мог понять, что на них нашло. Смех так и разбирал обоих. Нахохотавшись, старлей подвёл меня к узкому зеркалу, что висело на стене. Я вгляделся и с ужасом увидел, что обильно разукрашен тёмно-красной губной помадой. Я совсем забыл, что проклятая Роза лобызала меня и в зале, и в подвале. Наверно, и старуха поэтому от меня шарахнулась? Дежурный офицер, посерьёзнев, отправил меня к умывальнику, вручив мыло и махровую салфетку для бритья. Я вымыл лицо, яростно вытерев его салфеткой, отчего она сразу стала ядовито-красной. Химическая помада отмывалась плохо. Я намыливал рот, подбородок, щёки и тёр их, тёр, тёр.... Жгучий стыд и сожаление терзали меня с ещё большей силой. Попытался отстирать салфетку, на что взводный сказал:

— Да брось ты её в урну. Я всё равно не стану ею пользоваться. — И, усмехнувшись, старший лейтенант то ли спросил, то ли сообщил: — Уж не Роза ли обласкала тебя, голубь? Это ж мы её извлекли из ротной каптёрки в феврале?

И только теперь я вспомнил, где слышал это имя! Ну да, месяца два назад дембеля тайно по-

селили Розу в подсобке при кочегарке. Поили и кормили её почти неделю. При этом все желающие могли пользоваться её взаимностью. Мы, салаги, тогда не были допущены к телу. Дембеля держали деревенскую пассивность исключительно для своих нужд. Ротный и взводные почувствовали что-то неладное в поведении солдат, но не сразу сообразили, в чём дело. То ли каптёрщика кто сдал, то ли офицеры сами догадались, но Роза была обнаружена и без лишнего шума выдворена из расположения роты. Дело тогда замяли, чтобы не выносить сор из избы, вернее, из роты, а то бы ждать нашим отцам-командирам повышения по службе до судного дня.

Потрясённый запоздалым открытием, я поплёлся в казарму досыпать остаток ночи. От всего пережитого я едва держался на ногах. На моё счастье дневалил Академик. Он сидел у тумбочки под настольной лампой и под храп трёх взводов увлечённо штудировал итальянско-русский словарь. Он вообще при малейшей возможности много читал. Книги брал в гарнизонной библиотеке, литературу на иностранном ему присылали из дома. Для офицеров было загадкой, как он с такими обширными познаниями, свободно владея английским и французским, оказался в качестве солдата отдельной танковой роты на самой окраине страны. При этом за время службы, то есть за неполных два года, выучил испанский и итальянский. Однажды я спросил у него, почему он отчислился с предпоследнего курса МГИМО. Академик просто ответил:

— Назло отцу, точнее, в знак протеста против его подлости. Он бросил маму и нас с сестрой, связавшись с такой девкой, на которой клейма ставить негде. В общем, это наши семейные дела, а я в семье теперь за главного. Ничего, отслужу — восстановлюсь в институте. Всё будет окей.

Надо сказать, перед нами, молодыми, он никогда не кичился ни своим «стариковством», ни познаниями.

Сбивчивым шёпотом я рассказал ему обо всём, что случилось.

— Что мне делать? — спросил я в отчаянии. — А вдруг...

— Во-первых, надо успокоиться и взять себя в руки, — произнёс сослуживец.

Он на цыпочках прошёл к тумбочке у своей кровати, пошарил в ней рукой и вернулся с пачкой какого-то лекарства. Высыпал мне на ладонь чуть ли не целую горсть таблеток:

— Это антибиотики. Пей!

— Все, что ли? — ужаснулся я. — Зачем столько сразу?

— На всякий пожарный. Для подстраховки. Ударная доза уничтожит все вредные бактерии. Утром выпьешь остальное.

Поразмыслив немного, он подытожил:

— Да ты не дрейфь, Витёк. Если бы Роза была больна, сейчас бы все дембеля в госпитале валялись. Такую болезнь невозможно утаить. Прошло два месяца, а все старики на месте. Так что надейся на лучшее.

Эти доводы, да ещё предпринятые меры безопасности в виде слоновьей дозы антибиотиков, успокоили меня. Я упал на кровать и после всех треволнений заснул богатырским сном.

Наутро меня вызвал ротный. Крепко отругал, объявил кучу нарядов вне очереди на свинарнике и посоветовал не распространяться о моих ночных приключениях. Взводного взгрел за то, что тот не предупредил меня насчёт Розы: «Предупреждён — значит вооружён!» Действительно, я хотя бы насторожился. Да что там — на пушечный выстрел не подошёл бы к этой шалаве! Меня срочно отправили в гарнизонную санчасть, где я сдал необходимые анализы. Худшие мои подозрения не подтвердились, чему я был безмерно рад. Моё первое любовное приключение закончилось благополучно, оставив недобрую память на всю жизнь. Из санчасти по приказу ротного я отправился на свинарник для перевоспитания. Так мне и надо, безмозглому козлу!

А ещё через пару месяцев ротный задумал строить свою баню, чтобы в морозы не возить нас в гарнизон на помывку. «Да и вообще своя баня — куда сподручнее и безопаснее», — завершил речь капитан. Все с одобрением отнеслись к его затее. Нашлось семь добровольцев, в числе которых были накачанный бугай и я с Ашотом, чтобы поработать на кирпичном заводе. Баню решили строить из красного влагоустойчивого кирпича. Ещё троих откомандировали в ближайший леспромхоз: нужны были листовенничные перекрытия, доски на крышу, полки и полы, вагонка для обшивки стен помывочной и предбанника. Остальные по очереди работали на полях, чтобы заготовить на зиму необходимые овощи. «Как потопаешь, так и полопаешь», — любил приговаривать запасливый и прижимистый ротный, хохол с Донбасса. Армия — школа жизни, плохому не научит.

Вырваться из опостылевшего свинарника, пусть и ценой нелёгкого труда, — это ли не удача? К тому же перемена места, новые встречи, и служба быстрее пройдёт. На кирпичный завод мы добирались поездом. С нами ехал командир второго взвода старший лейтенант Счастнев, который дежурил в ту злополучную ночь, когда я так позорно бежал от Розы. Лучше и не вспоминать о ней. В рабочем посёлке нас уже ждали. И, как оказалось, не только руководство завода. Для нас выделили неказистое помещение с нарами вместо кроватей, со сколоченным наспех столом и самодельным шкафом. Но жить в убогом пристанище нам не пришлось, так как

в тот же вечер к нам явилась делегация из восьми местных красавиц (с учётом взводного — по одной на каждого). Мы дружно устали на Счастнева, растерявшись от соблазнительного предложения. Старлей недолго думая выбрал смазливую молодайку, подхватил её под руку и сказал, уходя:

— Завтра в семь утра встречаемся на проходной. Нетрезвого или опоздавшего верну в казарму, пардон, в этот сарай.

Мы, восхищённые его лихостью, с энтузиазмом обещали исполнить приказ и с радостью продолжили знакомство с прекрасными делегатками. Женщины тут же перехватили инициативу. Особым успехом пользовались накачанный бугай (красавец мужчина!) и Ашот (ясное дело — кавказец!). Но и остальные не остались без пары. Приглянувшиеся друг другу, обнявшись, спешно покидали оборудованное для нас убогое пристанище, пока в нём не остались двое — я, как самый непривлекательный внешне, и скромная опрятная женщина лет сорока, повязанная белым, в мелкий цветочек, платком. «Да она, должно быть, старше меня вдвое. Почти как моя мама», — решил я в смущении. Она смотрела на меня растерянno, думая, наверно, о том же. Посидели, помолчали. Стало совсем неловко.

— Ну, я пойду. До свидания. Приятно было познакомиться, — промолвила гостя и встала. В лице её, в глазах, во всей фигуре было столько покорности, обречённости, безнадёжности, что у меня сердце дрогнуло от жалости. Она повернулась и пошла к выходу. Во дворе, прямо над входом в наше жилище, горела лампа и потому в дверном проёме, ярко освещённом снаружи, чётко и выпукло, как на негативе, проявился её точёный силуэт: узкие женственные плечи, изящная талия, в меру округлые бёдра и удивительно стройные ноги. Вся её фигурка была не просто хороша... И вдруг не жалость, а совсем другое чувство пронзило меня.

— Подождите, я провожу вас. Вот только уберу со стола, — сказал я внезапно осипшим голосом.

Она повернулась, облокотилась о дверной косяк и, сняв с головы платок, принялась отмахиваться им от комаров. Пушистые, слегка вьющиеся русые волосы рассыпались по плечам. Я взглянул на женщину и обомлел: без платка лицо её разительно изменилось, стало моложе, милее, притягательнее, что ли.

— Может, чаю? — сказал я в замешательстве и тут же развёл руками: ни чайника, ни воды, и печь растопить нечем.

— Нет, нет, — поспешно сказала гостя и застенчиво улыбнулась. На её заалевших щеках появились милые ямочки, а глаза подёрнулись безнадёжной печалью.

Мы вышли в темноту. Теплая звёздная ночь тотчас окутала нас лёгким туманом, запахом цветущих палисадников, лугов и окрестных перелесков. Рабочий посёлок спал. Ранний подъём и нелёгкий грядущий день диктовали его жителям свои условия. Пока мы шли, я узнал, что мою спутницу зовут Катей, ей тридцать два года, а не сорок, как решил я. На Волге у неё мама и сын десяти лет. Она с мужем приехала сюда, чтобы заработать и купить свой дом на берегу родной реки. Муж два года как погиб: сменщик с нарушением техники безопасности уложил кирпичи, штабеля при погрузке посыпались, придавило троих, но двое выжили, а её муж — нет.

— А почему не уезжаешь к своим?

— Да пока поминки отвела здесь — сорок дней, полгода, год, потом второй. Памятник поставила, оградку. Кто же о нём, кроме меня, позаботится? Ещё года полтора отработаю и уеду. Только нельзя мне теперь туда: его родня не простит, что одна вернулась. Зову маму к себе, а она могилы своих родителей оставлять не хочет. Решили всё-таки: денег подкоплю, мама дом продаст, и все уедем в Нижний Новгород. Это тоже на Волге. Сын учится хорошо, надо думать о его будущем.

Мы подошли к калитке её дома. Ничего примечательного в нём не было — как все другие в посёлке. Во дворе порядок, чистота. В палисаднике — кусты смородины и крыжовника. Время спеть и наливаясь ягодам. Цветут георгины и гладиолусы.

— Заходи, чаем напою, поужинаешь. С дороги ведь, — просто сказала Катя и распахнула калитку.

Не к месту и не ко времени вспомнились вдруг затхлый подвал, грязный матрас, Роза... Я замешкался, остановился в нерешительности. Но, пересилив себя, ступил на добротный деревянный настил, что вёл к высокому опрятному крыльцу, где ждала меня Катя. Изнутри дом был небольшой, свежевыбеленный. На сияющих чистотой окнах — белоснежные с кружевом занавески-задергушки. В городе таких не увидишь. Обоим было неловко. В маленькой уютной кухоньке всё отмыто до блеска. Сели за стол. Я с удовольствием налегал на смородиновое и малиновое варенье, запивая душистым чаем. Катя спокойно смотрела на меня, молча слушала. Мне стало так хорошо, что расхотелось уходить. Я выпил одну чашку, другую, третью...

— Я, пожалуй, пойду. Завтра рано вставать, — сказал я, не придумав ничего другого.

Она спокойно вышла проводить меня. Но у калитки я остановился, вдруг разозлившись на себя. Да что я, в самом деле? Ну старше она — и что? Не жениться же на ней собираюсь! Академик говорил, что Наполеон всю жизнь любил женщину, которая была старше его. По

каким-то там своим императорским соображениям он оставил свою любовь, женился на молодой красавице полячке, ставшей императрицей и родившей ему наследника, но до конца жизни тосковал по своей Жозефине. Эта мысль так укрепила меня, что я осмелел, решительно привлёк Катю к себе и поцеловал. Потом ещё и ещё... Она не сопротивлялась. Тонкий запах ландыша и ещё каких-то луговых цветов источали то ли её волосы, то ли кожа, то ли губы. Она с тихой радостью приняла меня. Я испытал близость с женщиной, которая понимала каждое моё желание и предупреждала его не подобострастно и угодливо, а как-то естественно, тепло, с тихой благодарностью...

Два месяца мы прожили с ней, наслаждаясь друг другом. И расстались душевно. Катя шепнёт мне в последнюю ночь на прощанье: «Ты роскошный мужик. Знай это. Заматереешь — станешь ещё роскошнее». Позже, когда я вернусь в роту и без подробностей, вкратце поведаю о Кате Академику, он, задумавшись, скажет:

— Ты знаешь, до революции в России не только гусары, но большинство мужчин из высшего общества проходили азы интимной жизни в приличных борделях. Именно там они становились настоящими мужчинами.

Долго я буду размышлять об этом и пойму, что именно Катя ненавязчиво, исподволь научила меня тому, как надо общаться с женщиной, чтобы покорить её.

Надо сказать, что заводило, где мы зарабатывали кирпич на ротную баню, был построен так давно, что уже никто толком не мог сказать, когда именно. Был он, естественно, примитивный и без всяких современных технологий, поэтому вся тяжесть ложилась на плечи рабочих. Мы тоже трудились добросовестно, в полную силу, а то и через неё. Ни разу никто из наших не опоздал и не прогулял. Зато взводный Счастнев, тёртый калач, потом и на построение не стал приходить. Уж он-то жировал по полной программе: спал до обеда, купался и загорал вволю, ходил по грибы да по ягоды. Расторопная молодайка насушила ему белых грибов, насалила молочных груздей, наварила варенья из лесных ягод. Кроме этого, он вёз домой несколько вёдер брусники. Тащили всё это, конечно, мы. Перед отъездом взводный предупредил:

— Смотрите, мужики, чтоб ни одна душа в роте не узнала, как мы тут жили. А жили мы с вами — как сыр в масле катались. Разве не так?

Мы с готовностью закивали, хотя сыром был только он, а мы вкалывали как черти. Но всё равно остались довольны. Как ни хорошо и сытно в нашей отдельной танковой роте, а на воле всё равно лучше. И вот теперь мы гнулись под тяжестью баулов, вёдер и корзин, которыми взводный

нагрузил всех без исключения. Чувствуя наше молчаливое осуждение, Счастнев, будто оправдываясь за свою жадность, по-отечески наставлял нас:

— Учитесь, хлопцы, как мирно сосуществовать с женой и с остальной прекрасной половиной рода человеческого. Такая у нас, мужиков, участь: жена одна, а красавиц раком до Москвы не переставить. Верно, Бычков? — Он панибратски похлопал меня по плечу. — Так вот, заповедь такая: не возвращаться домой с пустыми руками, заливать жене сто вёрст до небёс, что лучше её, сердечной, нет на белом свете. И цветочки ей, и колечко либо платок к каждому празднику, а то и без такового, подносить. Слова, конечно, большая сила, но слова, подкреплённые подарками, вдвое действенней... Да, заедем сначала ко мне, сгрузим багаж, а потом все вместе — в роту. И смотрите, ротному — ни гу-гу.

— Вот прохвост! — шепнул мне Ашот. — А говорил, что ведро брусники и ведро солёных груздей — для ротного. Ну не крохобор ли?

К нашему возвращению баню почти достроили. Время от времени с завода подвозили заработанный нами кирпич. Его хватило ещё и на пристройку для свиноматок. Задержка была с пиломатериалами, но их тоже скоро доставили, так что с наступлением холодов мы парились уже в собственной новёхонькой баньке. Командированные в леспромхоз сослуживцы наготовили на всех веников, засушили для кухни грибов и ягод. Их взводный оказался куда порядочнее хапужистого Счастнева.

Всех вернувшихся добровольцев довольный ротный поблагодарил на общем построении и премировал недельным отпуском. Домой я не поехал, потому что до Москвы надо было пилить поездом семь суток, а потом добираться на электричке или метро в Химки. В обратную сторону ровно столько же. Сашка Красносельцев, отработавший на лесоповале и тоже получивший отпуск, предложил мне поехать в село к брату. Я с радостью согласился.

Добрались мы до места меньше чем за сутки. Ехали автостопом. Я во все глаза смотрел вокруг, и Приамурье мне нравилось всё больше. Здесь, в этих краях, живёт моя Сонечка. Я всё ещё не терял надежды отыскать её.

Односельчане встречали Сашку, как героя. Это было крепкое, зажиточное село с добротными усадьбами и безразмерными огородами. Из соседних деревень понаехало столько Сашкиной родни, одноклассников, друзей, знакомых, что я совсем запутался, кто есть кто. И такой пир устроили — мама не горюй!

Там-то и встретил я свою Альку, синеглазую белокурую девушку Альбину, искреннюю и открытую. И, что существенно, невысокую — как

раз под стать мне. Всё при ней было: и ножки стройные, и грудь что надо, и бёдра, а с лица хоть воду пей! Разумеется, влюбился я по уши. Надо сказать, что кавалеров возле неё крутилось немало: девка на выданье, завидная невеста. К тому же весёлая, бойкая, а уж певунья да плясунья какая! Смотрю, и люди постарше к ней — со всем уважением. И тут на меня такая прыть напала — сам себя не узнаю. Думаю: душа на поляну, а будет она моей! И баста!

Конечно, Сашка мне первый помощник в ухажёрском охмурении. Нас с Алькой знакомит — и такое про меня городит, что я даже сам себе завидую. Около неё бесом стелюсь, мелким бисером рассыпаюсь, глаз не свожу, любое желание готов исполнить. И покорила-таки её, сам не пойму чем. Гулянка продолжалась трое суток. На четвёртую ночь оказались мы с ней на сеновале. Я-то свои возможности знаю, а тут ещё после Катиной школы... Целовал, миловал я Альку и не помню сам, как на ней оказался. Ещё минута-две — и она моя! Всё равно ведь на ней женюсь, потому что люблю. Так она мне к душе пришлась! Вдруг Алька подо мной как заплачет, как зашепчет:

— Остановись, Витенька, умоляю! Папка меня заперет и тебе не отдаст. Выдаст за первого встречного. Клятву дал!

Тут я опомнился, сел рядом с ней и говорю:

— Будешь меня ждать, пока дослужу?

— Буду, буду, миленький, — заливается она слезами.

— И с другими без меня гулять не станешь?

— Не стану ни за что! Тебя одного люблю до гроба.

— Ну, как службу окончу, приеду и посватаюсь.

На том и порешили.

Вернулся в роту. Переписывались, Алька приезжала ко мне несколько раз. Стала она ещё краше и милее моему сердцу. Уволился в запас — и сразу к ней. Её родители обо мне наслышаны были и даже потихоньку к торжеству готовились, приданое дочери собирали. В общем, сели рядом да поговорили ладком. Мои мать с отцом на Амур приехали, тут и свадьбу сыграли. И люблю я свою Альку по сей день. Нисколько о женитьбе не пожалел.

Уехали мы с ней в Подмоскovie, но после амурского солнца мне самому там тошно стало — сыро, пасмурно. Смотрю, приуныла, затосковала моя Алька. И вернулись мы в солнечное Приамурье. Пожили с её родителями, а потом махнули в областной центр. Сняли там частный домик, на работу устроились, а по вечерам ходили на учёбу — Алька на бухгалтера, а я в речное училище. Поначалу жили небогато, но дружно, и всё-то у нас ладилось. Алькины мать с отцом овощами да мясом помогали, мои — деньгами

да вещами модными. В Москве тогда всё можно было купить, а здесь — только по блату или по талонам.

Окончил я училище и стал работать на речных судах, как мечтал. Ходил в основном по Зее. Мне нравится эта величавая река: и берега красивые, и рыбы вволю, только уж больно дальневосточная красавица капризна и своенравна. Чуть внимание ослабил, она тебе раз — и каверзу устроит. Вот же пару дней назад здесь шли — всё нормально было, а теперь столько песка нанесло, отмель намыло. Что откуда взялось — загадка природы.

А вода — она притягивает, околдовывает, заманивает. Говорят, это единственная на планете сущность, которая поглощает и хранит информацию, и что ответ нужный она дать может. Когда прижмёт какая трудность и не знаешь, что делать, спроси у воды, смотри на неё безотрывно — и ответ непременно придёт. Сколько раз такое со мной случалось, честное слово. Да, это стихия загадочная, магическая. Бывало, стоишь на мостике в лунную ночь, смотришь привычно на реку, а она серебрится, струится ласково, так нежно и вкрадчиво мурлычет за кормой, баюкает... Смотришь, смотришь — и в какой-то миг вдруг покажется: ты и не на судне вовсе, а вроде как в небесах паришь, и река далеко внизу, и баржа твоя там сама собой движется по курсу, а вокруг сопки, леса, озёра, город огнями светится... Так жутко станет, что готов заорать от страха. Помотаешь головой, придёшь в себя, вцепишься в штурвал и вниз стараешься не смотреть. Чур, меня! Есть между человеком и водой какая-то тайная связь. От неё всё наваждение да колдовство. Ведь зарождаемся мы и девять месяцев развиваемся в воде. Её содержание в зародыше — 96%, в теле взрослого человека — 70. Чем старше мы становимся, тем меньше остаётся её в организме, и кожа делается морщинистой. Когда содержание воды в теле падает ниже 50%, организм умирает. По-японски о человеке с молодой и свежей кожей говорят буквально: «наполненный водой». Об этом рассказал нам с Алькой один учёный японец, с которым мы познакомились, когда по турпутёвке в Японии были.

Да, мы и я — это вода. Какой я? Что обо мне сказать?

Человек из меня вышел вроде неплохой: непьющий, некурящий, дисциплинированный, и к людям уважительно отношусь. Одна только слабина с годами ещё сильнее стала — неистребимая тяга к прекрасному полу. Ничего с собой не могу поделать, хоть плачь. Одно оправдание, что слабость эта мне в радость, а работе не помеха. Если с умом да со знанием дела женщин любить и голову при этом не терять, то и вре-

да фактически никакого. Взял я на вооружение опыт взводного Счастлива: домой с пустыми руками не возвращаться. Еду, бывало, с рейса, обязательно рыбы везу — свежей, копчёной или вяленой. На барже всегда такие умельцы найдутся: и сетку где надо закинут, и на удочку наловят, и завялят-подкоптят. На стоянках ягоды, грибов, орехов насобирают. И самим в удовольствие, и домашним гостинец. А уж подарки своей Альбине к праздникам купить — всегда с дорогой душой! К тому же она им так радуется, что любо-дорого смотреть! А главное, мать из неё вышла замечательная. Двое детей у нас. Старшая дочь в институт поступила, умница и красавица. А сын пока в детсад ходит. Но читает, в отличие от меня в его возрасте, уже вовсю. Уж он-то стихи Пушкина в книге Чуковского искать не станет.

Во всех отношениях мне моя жена нравится, одно в ней не совсем по душе: уж очень подруг любит, жить без них не может. А мне-то какое тяжкое испытание! Они, подружки то есть, так и норовят тебя захомутать. Иной раз оторопь берёт: подружка, подружка, а как наедине окажемся, стоит по колену или по бедру погладить, она уж и в постель готова прыгнуть. Не стерпел, спросил как-то после интима:

— Как же ты Альбине теперь в глаза смотреть станешь?

— А тебе-то что? — отвечает. — Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Сам тестостероновый самец, а мне мораль читать будешь!

— Какой, какой самец? — спрашиваю.

— Тестостероновый. Это такой гормон мужской — тестостерон. В тебе его хоть пруд пруди. А что до меня, так то не твоя печаль. Тебе дали, вот и радуйся.

Начну, бывало, Альку корить:

— И чего ты с этими подругами водишься? Зачем они тебе нужны?

— Нужны, Витечка, — отвечает моя простодушная жёнушка. — А чем это они тебе не угодили? Добрые, щедрые, преданные.

— Да уж преданнее не бывает, — говорю я в сердцах и замолкаю.

— Ну, голубчик, не сердись. Тебя неделями дома не бывает, ты всегда в плавании. А мне одной скучно. И потом, мы друг другу так помогаем.

«О святая простота!» — мысленно восклицаю я и люблю свою Альку ещё больше. И подружек её люблю — по очереди. Куда от них денешься? Несколько раз так случалось, что сама же Алька просила меня то одну, то другую приятельницу на теплоход устроить или поваром, или уборщицей. Отказываюсь, открещиваюсь, так как точно знаю, что в моей каюте спать та подруга станет. Нет, упросит Алька, уговорит на свою же и мою голову, а потом думай да гадай, как выкручиваться. Всю жизнь на одно только и надеялся: если

(тьфу! тьфу! тьфу!) попадусь с очередной подружкой, Алька простит. Не без того — погорюет, поплачет и, добрая душа, простит.

Стали мне сослуживцы говорить:

— Не дело это — с жениными подружками связываться: рано или поздно сдадут тебя с потрохами. Безопаснее иметь дело с незнакомками, чтобы в дом твой вхожи не были. Взял такую на судно, потешился — и до свидания.

Тоже правильно, думаю. Товарищи плохому не научат. И даже предположить не мог: а вдруг попадётся такая, что в душу западёт, да так, что не возрадуешься. И не поверите — случилось. Катило мне в ту пору к сороковнику, когда, говорят, седина в бороду, а бес в ребро. И подкузьмил меня этот самый бес поздней осенью, перед самым ледоставом.

Ходил я тогда капитаном грузового теплохода, возил в трюме грузы разные — песок, гравий, уголь, муку. А тут понадобилось продукты и хозтовары забросить на Север, чтобы тамошним жителям хватило до следующей весны, когда Зея вскрыется и снова пойдут по ней пассажирские и грузовые теплоходы. То ли зима в этот год ранней была, то ли эти самые грузы на склады поздно завезли, только вызывает меня начальник порта и говорит:

— Ну что, Виктор Иванович, надо последний рейс на Чагоян сделать. Здесь всё оперативно загрузим, а там команда разгрузит, оплатим по двойному тарифу. Сделать всё надо как можно быстрее и сразу в обратный путь порожняком, чтобы времени зря не терять. Да, запчасти новые получи со склада на случай поломки, а то не приведи Бог...

— Поздновато вообще-то в такой дальний путь выходить. Сало вот-вот по реке пойдёт, а там и льдины понесёт, — говорю.

— Потому и прошу тебя, — отвечает начальник. — Ты опытный капитан, собаку на Зее съел, справишься. И возьми с собой самых проверенных. Молодёжь и женщин спиши на берег. Действуй.

Пришёл я домой сам не свой. Понимаю, что нелегко в этом рейсе придётся, а отказаться не смог. Не в моих это правилах — перед трудностями пасовать. Руководство порта меня ценило: премировали нередко, орден Трудовой Славы имеется, в прошлом году «Жигули» подарили.

— Ну, Алька, собирай мужа в дорогу, — говорю невесело. — Унты, дублёнку, свитер тёплый положи на всякий случай. На Север идём, а там уже снег кое-где выпал.

На другой день — запарка с раннего утра. Суэта, погрузка, ругня. То одного нет, то другого. Вышли-таки в рейс после обеда. Осенний день короток. Зея потемнела, помрачнела, берега позолоту давно сбросили. Судно нагружено по самое

не могу, осадка большая, тяжело идём. Небезопасно это, надо в оба глядеть. Решил от рулевого не отходить. Короткая передышка — и снова за штурвал или за бинокль.

Ничего, думаю, прорвёмся. Глаза боятся, а руки делают.

Положение осложнилось тем, что до Чагояна пришлось разгружаться ещё в нескольких прибрежных посёлках. А это немалая трата времени и сил. Начальник отдела перевозок о дополнительных стоянках умолчал — я узнал о них уже в пути из схемы размещения грузов.

Прошло несколько напряжённых дней. Ребята в команде бывалые и не лодыри, работали на совесть. Оно и понятно, перед долгой зимой каждый норовит копейку зашибить: в зиму-то на голый оклад сядем, значит, пояса затягивать придётся, а у всех семьи, дети.

И вот — предпоследняя пристань. Чтобы сэкономить время, разгрузились прямо на причал, — теперь груз на склад доставить не проблема. Поднимаем сходни, отчаливаем. И тут боковым зрением замечаю: кто-то по берегу бежит, рукой машет. Повернул голову — точно: женщина с ребёнком по кромке берега к пристани направляются. Даю команду «Отставить!» и иду на сближение с причалом. Старпом орёт:

— Ты что творишь? В своём уме? Мы что — грузовое судно или пассажирское?

Я молчу, не отвечаю. Матросы и без моей команды сделали всё как надо, сходни опять спустили. Перегнулся через борт и кричу — мол, бабе с дитём помогите, сами-то они из сил выбились, по мокрым сходням не поднимутся. Электромеханик и палубный матрос метнулись на помощь. Один взял на руки женщину, другой — ребёнка и сумку. И через несколько минут все были на палубе. Я оглянулся и с мостика посмотрел на беглянку. Она показалась мне девочкой-подростком — тонкая тростинка с большими испуганными глазами.

— Отведите их в кают-компанию, а то совсем замёрзли, — приказал я и вцепился в штурвал. Надо было грамотно отчалить от берега, войти в фарватер и лечь на курс. Это всегда выполняет сам капитан.

Когда напряжение спало, я вызвал по громкой радиосвязи рулевого моториста и передал ему штурвал, электромеханик встал на корму с биноклем, а сам пошёл в кают-компанию. По трапу мне навстречу проворно карабкалась девчушка.

Она подняла голову, и я оторопел: Господи! Передо мной — моя Сонечка, та самая, из средней группы детского сада. Я потерял дар речи и пару минут стоял как молнией поражённый... Сонечка? Не может быть!..

— Как тебя зовут, девочка? — наконец опомнился я.

— Машенька, — сказала девчушка.

— А маму как зовут?

— Соня. Софья Леонидовна, — чётко выговорила Машенька.

В груди похолодело, потом полыхнуло жаром. Сомнений не было. Передо мной была точная копия моей милой Сонечки, которую я так долго и тщетно искал...

Как-то, в минуту откровенного дружеского трёпа, я поведал о своей любви старпому. Мы с ним учились в речном, ходили вместе на катерах, потом на самоходках, а теперь вот на грузовом теплоходе. Одним словом, дружили давно.

— Ты её ни за что не найдёшь, даже если встретишь, — усмехнулся старпом.

— Почему? — удивился я.

— Да не узнаешь ты её, чужак-человек. Она ж изменилась, как и ты.

Для меня это прозвучало как смертный приговор. Нет, я, конечно, понимал, что она выросла, повзрослела, но душа зароптала, отказываясь верить. Но после слов старпома я как-то сразу всё понял, потух и постепенно смирился. Ведь точно, Сонечка теперь совсем другая. Вряд ли я узнаю её взрослой. Она осталась лишь в моей памяти. И я перестал вглядываться в женщин в надежде встретить свою первую любовь...

И вот теперь передо мной Сонечкина дочка, так разительно похожая на маму: те же чёрные кудрявые волосы, те же карие глаза, пушистые ресницы и такие трогательные ямочки на щеках. Боже мой! Я взял девочку на руки, прижал её к себе и вдохнул запах детских волос. Честно сказать, у меня затряслись колени. Пытаясь успокоиться, я с Машенькой на руках спустился в кают-компанию. Завидев меня, случайная пассажирка испуганно вскочила. Потом подошла и взяла у меня дочку.

— Спасибо вам огромное, что вернулись из-за нас.

Я смотрел на неё во все глаза и, конечно, не узнавал, а лишь очень смутно угадывал свою детскую любовь в этой незнакомой женщине. Она и сейчас была хороша собой, хотя озабоченность, да ещё тревога пролегли в едва заметных морщинках на лбу, в уголках рта и у ямочек на щеках как тайная печать нелёгкой жизни. Это я почувствовал сердцем и не ошибся.

— Ну что, лягушки-путешественницы, пойдёте устраиваться. — Я взял девочку на руки и направился в своё жилище. Женщина послушно следовала за мной. В каюте я указал на просторный диван, где можно разместиться обеим. Достал снизу запасное бельё и две подушки.

— А где же вы спать будете? — испуганно спросила нечаянная гостья. Она всё ещё чувствовала неловкость.

— Да мне всё равно вахту нести. Ночью на реке опасно, шуга идёт. У сменщика располо-

жусь, если что. Думаю, до самого Чагояна никому из команды спать не придётся. Меня зовут Виктор Иванович, а вас?

— Я Соня, Софья Леонидовна. А дочку Машенькой зовут.

— Дядя уже знает, — сказала девчушка и звонко рассмеялась.

«Господи, вылитая Сонечка!» — снова подивился я. Едва сдерживая волнение, спросил:

— Куда же вы ездили?

А сам тем временем приготовил чайник и сковороду, чтобы отнести их на камбуз и приготовить поздний ужин на скорую руку (повариху списали на берег перед опасным рейсом). Потом достал сливочное масло и стал резать лук.

— А вы случайно не из Подмосковья родом? — решился спросить я, не дождавшись ответа.

— Да, из Химок... — Она удивлённо посмотрела на меня. — А откуда вы знаете?

Ну вот, последние сомнения отпали. Руки у меня задрожали, я чуть не порезал палец.

— По выговору догадался, — соврал я: никакого особого московского выговора у неё не было, обычная русская речь, как у большинства на Дальнем Востоке.

— Ой, только давно я оттуда. Сюда совсем маленькой с родителями переехала, — сказала она, не замечая моего замешательства. — А вы что, тоже из Подмосковья?

— Да. И тоже из Химок... А вы... Почему вы сюда переехали?

— К бабушке с дедушкой. Папа здесь устроился капитаном, вот как вы, но плавал недолго. Внезапный инфаркт — и он умер.

— А зачем так много луку? — спросила Машенька, отогревшаяся и заметно повеселевшая.

— Сейчас я накормлю вас волшебным капитанским блюдом.

— А ты, дяденька, взаправду капитан?

— Что, не похож?

— У тебя усов нет и белой фуражки, как капитаны носят.

— Зато у меня настоящее судно есть! Ну, подождите немного!

Я помчался на камбуз и приготовил на скорую руку ужин. Когда мои гости поели, я снова спросил Сонечку:

— Откуда вы всё-таки путь держите, если не секрет?

— Ездила на свидание к мужу. На зону... — Она прикусила губу, помолчала с минуту. — Возвращались оттуда на перекладных, да опоздали на последний теплоход. Деньги у нас на исходе, и тёплой одежды нет, а вот-вот завьюжит. Спасибо, что выбрали нас...

Прекрасные глаза затуманились слезами. Бледные щёки, то ли от волнения, то ли от тепла, полыхнули тонким румянцем. Это придало её

лицу ещё больше прелести... И вдруг давно забытый пушистый котёнок где-то внутри меня встрепенулся и попытался выбраться наружу.

«Ты жив, бедняжка! За столько лет ни разу не дал о себе знать. Я уж думал, что тебя давно нет».

Сердце тревожно сжалось и замерло в ожидании чуда. Одновременно меня накрыла острая жалость к Сонечке, сидевшей передо мной.

— А муж-то за что в тюрьму попал?

— Да непутёвый он, скандальный. Чуть что — драку затевает. Где ни появится, там и кутерьма начинается. Вот и нашёл на свою голову приключение. Горе одно с ним, — сказала она и поникла.

— А теперь, после зоны, он и вовсе озверееет, — невольно подумал я вслух.

— Это уж точно. Он пообещал, что размажет меня по стенке, — заморгала она пушистыми ресницами, сдерживая слёзы.

— Папа бьёт маму. Она плачет. Я тоже его боюсь, — сказала девчушка и захлюпала носом.

— Так, всё ясно. Надо из этой дыры выбираться, пока папка ваш закрыт. У тебя, Соня, есть куда уехать? Мама жива?

— Её давно нет, — тихо сказала она и заплакала. — Тётка, мамина младшая сестра, живёт в Белогорске. Она на железной дороге работает, а муж и сын — машинисты. Мы потому и опоздали, что к ней заезжали. Тётя тоже твердит, что уезжать мне надо, пока он из тюрьмы не вышел. Обещает на работу устроить в железнодорожную больницу, там есть свободные места. Я медсестра. Первое время у родных поживём, потом жильё снимем.

— Это выход. Надо уезжать в Белогорск.

— Да как? Пока река не встанет, куда из Чагояна тронешься? И денег надо заработать. Проездили всё, что было. Да ещё у главврача одалживала. Сначала с ним рассчитаться надо. Хочу ночные дежурства взять да санитаркой поработаю, — озабоченно сказала Сонечка.

— Вот что. Мы увезём вас из Чагояна без всяких денег. Сколько вы должны начальнику?

— Три тысячи.

Я вынул из кармана ключи, открыл стоявший в каюте небольшой сейф и достал нужную сумму:

— Вот, отдайте главврачу.

— Ой, да что вы!.. — Она испуганно посмотрела на меня.

— Не спорьте. И завтра же увольняйтесь. Необходимые вещи соберите, а мебель и всё прочее оставьте. Мои парни заберут вас к вечеру.

— Но... Вы же в областной центр вернётесь, а нам в Белогорск надо. Как я — с дочкой и вещами?..

— Я всё устрою. Поживёте с недельку у нас, пока теплоход на зимнюю стоянку сдавать буду.

А потом увезу вас к тётке на «Жигулях». Ну всё, укладывайтесь. Мне пора.

— Мапочка, дяденька капитан спасёт нас, — обрадованно воскликнула Машенька. — Увезёт далеко-далеко. Ты больше не будешь плакать? Обещаешь?

Я вышел из каюты — и у самого трапа нос к носу столкнулся со старпомом.

— Слушай, кэп, ты что это сияешь, как медный грош? Уж никак на смазливую пассажирку запал?

— Бери выше.

— Она на тебя? Да ну... — очень засомневался он.

— Как ты не поймёшь! Да это же моя Сонечка! — воскликнул я и в сильном волнении схватил товарища за грудки.

— Да что ты вцепился в меня, как клещ! Какая Сонечка? Бред сивой кобылы! Её невозможно узнать — мы же говорили об этом.

— Да по девочке, по дочке узнал! Она же — точная копия матери!

— Да ты что? — опешил. — Ну, кэп... Настал и на твоей улице праздник! Теперь не упустить свою синюю птицу.

— Да, это сама судьба мне подфартила, — сказал я растерянно. — Прямо не знаю, что теперь делать....

— Она замужем?

— В том-то и дело! Только муж объелся груш.

— Как это? — не понял всегда сообразительный старпом.

— Да на зоне он. Срок отбывает за драку, — сказал я.

— А что здесь долго думать? — оживился он. — Забирай их с собой. В городе снимешь квартиру, оденешь, обуешь, обеспечишь всем. Бабок у тебя хватит. Да она тебе по гроб жизни будет благодарна, что ты её от этого психопата спас. Будешь к ней нырять потихоньку от Альбины — тебя учить не надо: учёного учить, что мёртвого лечить.

— Знаешь, тут всё сложнее. Я подумаю...

И стал подниматься на мостик.

— Ну-ну... С водой не забудь посоветоваться, — съязвил вслед товарищ, когда-то послушавший мои рассуждения о её мистических свойствах.

Всю ночь, стоя у штурвала, я смотрел на потемневшую грозную воду. Пошёл мелкий колючий снег. То здесь, то там зловеще белела проплывающая шуга. Надо спешить в обратный путь, а мы всё плетёмся к последнему месту назначения. Как бы не застрять в Чагояне! Сердце моё разрывалось от любви и жалости к Сонечке, давно потерянной и чудесным образом обрётённой. Бедная девочка! Как же ей не повезло в жизни. Родители умерли, мерзавец муж мучает её и дочку. Кто ей поможет, если не я? Это же

очевидно, что сама судьба отправила меня им на помощь! Как я могу превратить её в любовницу? Разве это по-человечески? У неё, возможно, появится семья, любящий муж, дети... Она может быть счастлива. Она будет счастлива! Да никогда в жизни не сделаю я худо девочке родом из детства. Она зародила во мне чистую любовь, с которой иду я по этой грешной земле. Разве честно будет воспользоваться её безвыходным положением? Не мерзавец же я распоследний!

За ночь я продумал план спасения своих нечаянных спутниц. Всё объясню команде. И Альке. Она добрая и поймёт меня правильно. Я не сомневался: поймёт и поможет.

Ранним утром мы прибыли в белоснежный Чагоян. Окрестности и сам посёлок накрыл первый пушистый снег. Как-то в местной газете я прочитал, что в переводе с монгольского Чагоян и означает «белый», должно быть, из-за залежей известняка, из которого в царские времена здесь жгли известь. Мои молодцы помогли пассажирке сойти на берег с дочкой, которую укутали в мой свитер. После уточнения некоторых формальностей началась разгрузка. Она продолжалась весь день. Подул ледяной ветер, Зeya потемнела, вспучилась и заштормила. Облегчённое судно мотало волнами так, что скрипели и стояли швартовы.

Наступили сумерки, а Сонечки с дочкой всё не было. Мы поняли: что-то случилось. Несмотря на тяжёлый день и усталость, мои товарищи сошли на берег, чтобы узнать, почему их нет. Мы с помощником остались на теплоходе. Утром она сказала, что живёт справа от клуба, и парни сразу двинули туда. Быстро нашли её дом, поднялись на крыльцо и прислушались. Женщину атаковала мужнина родня — дородные плотные тётки. Они отобрали у неё паспорт и вещи, стыдили, проклинали, называли неблагодарной, сыпались угрозы и слова покрепче. Сонечка горько плакала. Ясно было, что самой ей не вырваться из плотного окружения взбесившихся родственников. А механик у меня — такой хохмач, вечно всех разыгрывал и подшучивал. Посланцы мои постояли, постояли за дверь, послушали, сориентировались в непростой обстановке и, громко затопав сапожищами, ввалились в дом.

Механик, размахивая перед носом ошалевших тёток красной книжкой народного дружинника, представился: «Областная прокуратура!» И тут же дал зычную команду: «Незаконно изъятые документы на стол! Посторонним покинуть помещение!» Все, кроме хозяйки дома и её дочери, кинулись врассыпную, как крысы, почуявшие опасность. Мои товарищи спокойно взяли паспорт и сумки с вещами и все вместе проследовали на теплоход. Ещё через полчаса наше судно, дав прощальный гудок в белое безмолвие Чагояна, отчалило от пристани. Обратно шли без груза, скорость увеличили, нигде не останавливались и на третьи сутки прибыли в областной центр. Следом нас догоняли метель и плотная шуга.

Пока я списывался на берег, Сонечка с дочкой жили у нас. О том, кем была для меня нечаянная спутница, ни ей самой, ни жене я, конечно, не сказал. Это осталось моей тайной. Алька приняла гостей радушнее, чем я ожидал. Когда через несколько суток я наконец вернулся, она зашептала мне в прихожей:

— Витечка, не сердись. Я подарила ей свою норковую шубку, что ты купил, когда узнал, что у нас сынок будет. Она мне и без того маловата была, а после родов, сам понимаешь... Холода-то какие наступили. И сапожки отдала, что в Японии покупали. У меня сапог этих, сам знаешь...

Я благодарно обнял жену и прошептал:

— Вот за что я люблю тебя — так это за твою доброту и отзывчивость.

На другой день Алька, не успокоившись, повела Машеньку в «Детский мир», купила ей тёплую куртку, сапожки и большую куклу. Потом мы погрузили все вещи в багажник, и я отвёз Сонечку с дочкой в Белогорск.

А ещё через два года нас пригласили туда на свадьбу. Моя первая любовь выходила замуж за машиниста электровоза. Славный мужик, молодой вдовец, у него тоже маленькая дочка. Мать с отцом, братья, тоже машинисты, с детьми и жёнами были на свадьбе. Серьёзный народ. Весь вечер я любовался прекрасной невестой, что светила от счастья и была краше всех. А уж я был за неё счастлив вдвойне.

Вот таким торжеством закончился тот поздний рейс на Чагоян.